Битва барокко с «Подмосковными вечерами»

Жан Гийю в зале Чайковского

Коммерсантъ. — 2003. — 5 марта. — с. 22.

концерт орган

Москву посетил известный французский музыкант Жан Гийю — ученик Оливье Мессиа-на, теоретик органного исполнительства, конструктор-изобретатель по органной части, композитор и, наконец, органист парижской церкви Сент-Эташ. Гийю дал два концерта, организованных агентством «Краутерконцерт» при поддержке Мастер-банка, в БЗК и зале Чайковского. На втором концерте сухоощавую спину органиста с почтением созерцал СЕРГЕЙ ХОДНЕВ.

Публика была очарована, не успел Гийю усесться за кафедрой — правда, главным образом из-за его внешнего облика, в колоритности которого, право слово, есть что-то гофмановское. Высокий, длинный, нескладный, с взъерошенными сединами, обрамляющими благородный череп. Ну кто еще может так выглядеть, кроме гения? Первая проверка на гениальность не заставила себя ждать: для начала прозвучал знаменитый генделевский концерт для органа с оркестром (соч. 4, № 1), естественно, в обработке для органа соло и вдобавок с каденцией (как значилось в программе) самого Гийю. Пресловутая каденция оказалась немаленьким (на две минуты) куском. Впрочем, и без нее Гендель звучал по меньшей мере непривычно: его абсолютно ясная и изысканная ритмика то и дело оборачивалась тяжеловатым и небарочным сумбуром, как будто застигнутый переменчивой бурей органист то испуганно замирал там, где требовалась отрывистость, то гнал пассажи торопливым, спотыкающимся аллюром.

Дальше мэтр неожиданно низвел себя до роли аккомпаниатора приехавшей из Вильнюса Натальи Краутер, в ходе чего сложилось ощущение, что вместе они репетировали не очень прилежно: уж очень призрачным было их согласие. Сперва были

три сопрановые арии Баха. Тут тоже не обошлось без шероховатостей, но к арии «Ei, wie schmecht der Kaffee suesse» из «Кофейной кантаты» и певица, и аккомпаниатор неожиданно раздухарились. Гийю оставил спотыкания и замиранья и с задорной четкостью вывел каркас арии, превратив ее из довольно занудного многословия в плясовую, а Краутер воспела сладость кофе с таким серафическим экстазом, какого религиозно-этическая проблематика предыдущих арий у нее что-то не вызывала. Зал восторгался и долго дарил певице букет за букетом, в то время как Гийю застенчиво прятался в тени. Кое-как пристроив цветы, Краутер перешла к трем ариям Генделя. На простенькой арии Ариадны из оперы «Юстин» (этого византийского императора, правда, перепутали с племянником, обозвав Юстинианом — видимо, для красоты) все обошлось, а вот на «Ah! Crudel, in pianto mio» из «Ринальдо» опять вышла несообразность. Протяжное лирическое вступление, предпосланное одной из жемчужин пресловутой оперы, Гийю почему-то отстукал спешно и с какими-то галопирующими интонациями, от которых, правда, был вынужден отступить после того, как сопрано не повелось на провокацию и отстояло подобающее по смыслу уныние. Закончилась вокальная часть еще одним генделевским хитом, «Son come navicella», где энтузиазм органиста наконец был на месте; зато эта типичная «ария уподобления», где вокальная пиротехника изображает душевные бури, для певицы оказалась трудновата. Но ничего, очередную дожину букетов публика понесла с полной охотой.

Оставшаяся часть вечера ушла на hommage этой самой публике. Таковыми оказались, во-первых, «Картинки с выставки» Мусоргского в транскрипции для органа. В первые такты «Прогулки» зал вслушивался с почти зримым напряжением: а ну как сей-

час куда-нибудь очередную каденцию вставит. Но нет. Модест Петрович звучал вполне привычно — настолько привычно, что соскучившиеся зрители где-то с «Балета невылупившихся птенцов» стали понемножку удирать, благо исполнитель сидел к ним спиной. Зато органное исполнение обнаружилось несколько однообразное нагнетание эмоций, в яростности которого, правда, была своя острота. Что ни сюжет, то просто триллер какой-то. Ладно уж заведомо пугающие «Старый замок» или «Баба-Яга» (их уж просто можно было вставлять в саундтрек «Секретных материалов»), но даже картинка про детей, играющих в Тюильри, прозвучала с такими угрозами и саспенсом, что за детишек становилось не по себе.

Стойкие две трети публики, дождавшиеся финала, были вознаграждены редкостным развлечением, которым подобные исполнители не баловались, кажется, лет этак двести: импровизацией на темы из зала. Механизм подачи тем был проще не придумаешь (прямо как в «Египетских ночах»): в антракте подойти к билету, попросить нотную бумагу, набросать что-нибудь и положить на сцену. Энтузиастов выискалось весьма немного, но три темы мэтр отобрать все-таки смог. Первые две явно принадлежали первоначальному репертуару ДМШ (буквально уровня «Петушки» Кабалевского), а третья (зал чуть не прослезился) оказалась «Подмосковными вечерами». Самое неправдоподобное — это то, что симпровизировал Гийю на все три темы разом. Сочетались они довольно коряво и притом с трагизмом: детские пьески обреченно модулировали на краю мрачных бездн, открывшихся в «Вечерах». Но зато — какое блаженство — никаких транскрипций и редакций, никаких обязательств, никаких серьезных намерений, чистый и нестесненный диалог с «царем инструментов».